

Куликов Афанасий Ефремович

29.7.2000

Были и небылицы

“Афанасий Куликов”. Издательство “Белый берег”, М., 2000 г.

Забытое имя художника Афанасия Куликова (1884 – 1949) было “приоткрыто” лет двадцать назад. В 1978 году вышел каталог его персональной выставки в Москве. Работы были приобретены Третьяковской галереей и рядом музеев страны, в том числе в Калуге и Малоярославце, недалеко от которого, в деревне Исакове, родился Афанасий Ефремович. Имя Куликова до сих пор знают немногие. Художник Илларион Голицын говорит о нем: “Афанасий Куликов – интересный, искренний художник, с народным оттенком”.

И вот появилась монография – альбом об Афанасии Куликове. Инициатива издания принадлежит потомкам художника – известной семье Бакатиных и в первую очередь его правнуку Дмитрию Бакатину, генеральному директору Группы “Спутник”. Автор книги, искусствовед Олег Хромов, впервые использовал обширный архив художника и попытался просто, нетенденциозно взглянуть на его творчество.

Афанасий Ефремович учился в иконописной мастерской, затем – в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и “мечтал научиться писать, как Серов”. Две линии его творчества – реалистическая и лубочная – мало связаны между собой. Художник прошел традиционную школу, но в 1917 году “затосковал и предался воспоминанию картин из раннего детства, а потому с пылом принялся рисовать сюжеты из народных песен, манерой, свойственной мне с детства и отвечающей моему настроению”. В том же году Куликов показал работы на выставке “Мир искусства”. Именно в жанре лубка он чувствовал себя свободно. “В небылице художник волен, в были связан реальной жизнью”, – писал Афанасий Ефремович.

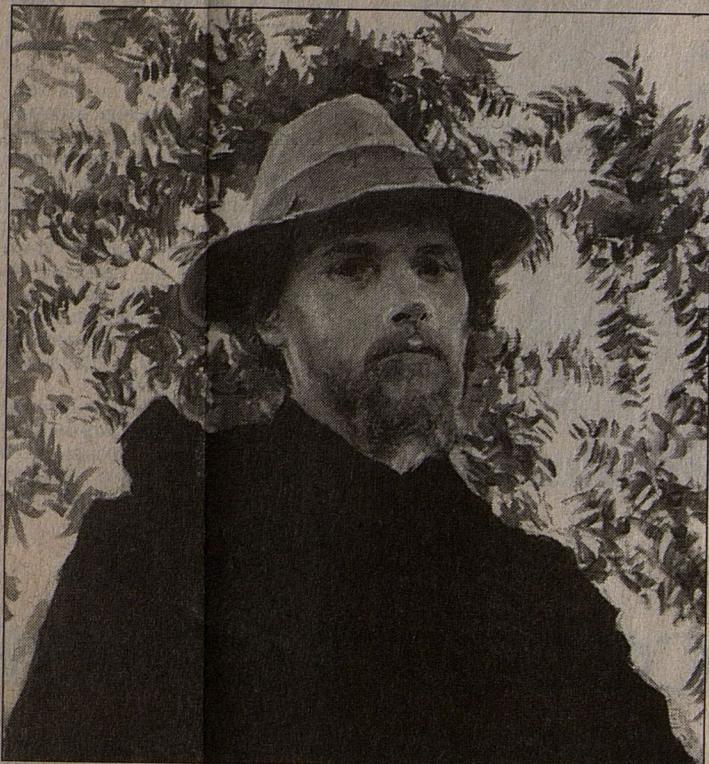
Лубком увлекались тогда многие художники, часто это была достаточно холодная стилизация. Куликова же волнует жизненная стихия. В листе “Гармонисты в трактире” (1920) изображен мальчик, который зачарованно смотрит на развесенные лубки, где Еруслан Лазаревич убивает морского змея и Илья Муромец стреляет в Соловья-разбойника. Это сам Афанасий Куликов в детстве. Рядом два гармониста. Один, пишет художник, “сердитый, морщины на лице большие. Гармонь его кипела, как буря черная поднебесная из глубины. Когда Илья-пророк выезжает на огненных конях. А другая – маленькая, нарядная – заливалась, как соловей-птица. Я думал, что они про Еруслана Лазаревича и про Илью Муромца все знают, что играли они на гармонях только для этих картинок. Я все глядел на картинки, слушал гармонь и весь горел. Жутко мне было”.

Возбуждающий зрение момент часто связан у Куликова со звуком – музыкой, пением или звоном колокола, как, например, в работе “На колокольне” (1918). Здесь, на высоте, – люди, птицы, качается колокол. Гулом звучит надпись на нем: “...колокол сей отлит в лето...” Или вот впечатление с деревенской свадьбы: “Голоса поющих девок, сидящих за столами, смешались с их яркими нарядами. То была прекрасная

тайна открывающейся передо мной жизни”. В куликовских лубках 1920-х годов нередко встречается еще один “звукящий” сюжет – радио. Как в летнем театре, сидят нарядные бабы и мужики под открытыми ставнями окна, из глубины которого, из комнаты, вещает радиотарелка (“Слушают радио”, 1928).

Этот союз слуха и зрения, который просматривается в куликовских работах, уходит в корни народной культуры. Павел Флоренский писал: “От глубокой древности две познавательные способности почтились благороднейшими: слух и зрение. Различными народами ударение ставилось либо на том, либо на другом; древняя Эллада возвеличивала преимущественно зрение, Восток же выдвигал как более ценный – слух”. Многое раскрылось в художнике генетически, а не было (да и не могло быть) воспитано школой.

Афанасий Куликов был очень привязан к своим корням, к Малоярославцу. Зарабатывать был вынужден в Москве, а семья жила в построенном им доме на Ивановской улице в Малоярославце, в приходе церкви Иоанна Предтечи. Поэтичны пейзажи тех мест:

А.Куликов. “Автопортрет в шляпе”. 1916 г.

“Кошечка”. 1946 г.

калужский большак, речка Лужа, старое кладбище, где покоятся воины 1812 года... “На пустых лугах, полях стаями собирались грачи, – писал художник. – Ах, моя родная деревня, сколько в тебе таится заманчивых загадок!”

В Малоярославце трепетно относятся к памяти художника. К 100-летию и 110-летию Афанасия Ефремовича там прошли его персональные выставки. Примечательно, что по замыслу потомков Куликова, семьи Бакатиных, благодаря которым была издана книга, средства от ее продажи будут направлены Картинной галерее Малоярославца.

“Конка”. 1923 г.

Сергей КОЧКИН